

18+

ОДНАЖДЫ Я ПОЛЮБИЛА

Любовь Барановская

Любовь Барановская

Однажды я полюбила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66329566

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94660-6

Аннотация

Ходить к пожилым людям по указке института – что тут может быть интересного? Так думают юные герои Кристина и Марк, пока не встречают Лилию.

Какие секреты таятся в этой пошарпанной квартире? Кто всё время звонит хозяйке? Почему она спешит рассказать ребятам всё?

Возможно, именно в её квартире они поймут что-то важное и даже смогут найти свою собственную любовь?

Содержание

Пролог	4
1	5
2	7
3	10
4	17
5	20
6	22
7	25
8	27
9	28
10	38
11	40
12	49
13	58
Эпилог	62

Любовь Барановская

Однажды я полюбила

Пролог

На холме над озером резвился ветер, наслаждаясь наконец наступившим летом.

Лизнул крышку малахитового цилиндра, взъерошил волосы парня, распахнул легкий сиреневый плащ девушки.

Девушка смахнула со щеки слезинку и обернулась к парню:

– Пора?

– Они ждали достаточно долго, — кивнул тот.

1

Вода с крыши ритмично стучит по железному водоотливу за окном. Весна заканчивается — не замедлить и не остановить. Солнце вырывается из-за туч, без спроса заливает комнату. С улицы слышится детский визг и скрип качелей.

Лилия сидит за письменным столом, верхний ящик выдвинут, стол засыпан толстыми тетрадями в простых зеленых обложках. Серые волосы прядь за прядью падают на лицо женщины, когда она опускает голову и рассматривает свое богатство.

Лилия гладит тетради. Особенно ей нравится верхняя, с подписью «Дневник № 13». После нее события в жизни закончились, и тетради с четырнадцатой заполнены письмами тому, кто их так и не получил.

Странно осознавать сейчас, на пороге седьмого десятка, что большая часть лет прожита пусто, зря и незачем. Почему Лилия ждала так долго? На что надеялась?

На её колени взбирается, пыхтя, растолстевшая Кошка.

Самую первую кошку звали Мальвиной, но имя не прижилось. До последних дней она так и осталась просто Кошкой, так что называть её котят и внучатых родственников Лилия и не пыталась.

Женщина гладит Кошку, привычно смахивая на пол прилипающую к пальцам шерсть.

Кошка мурлычет хрипловато, всё ещё тяжело дыша от проделанного пути по квартире.

Звонит телефон.

— Алло? — пару минут Лилия молчит, внимательно слушающая собеседника. — Я поняла. Да, это не удивительно, мы обсуждали такую возможность... Да, да. Я приеду к вам завтра и заберу его прах. Спасибо.

Нажав на огромную красную кнопку отбоя на телефоне, спроектированном специально для пожилых людей, Лилия убирает дневники в стол и некоторое время неподвижно сидит, глядя в окно. По её щеке ползет маленькая неловкая слеза, вероятно, от яркого солнца.

Рядом с телефоном стоит фарфоровая статуэтка — собака породы колли, *его* любимой.

В ящике рядом с тетрадами ждет своего часа одинокая нераспечатанная пока упаковка таблеток. Срок годности истекает, и упаковку скоро пора было бы заменить, но теперь не придется. Её время почти пришло.

2

В коридоре за открытой дверью кабинета 389 было непривычно тихо и пусто. Пары уже закончились, студенты вернулись в общежитие.

Светлана Арнольдовна подняла глаза на задержавшихся после занятий.

— Рада видеть столько добровольцев, — она покосилась на заднюю парту, откуда раздался хлопок лопнувшего пузыря жвачки. — Столько добровольцев и своего сына, — уже тише добавила преподаватель.

За первой партой раздавались ещё более тихие щелчки. Светловолосая девушка по имени Кристина обгрызла ещё один, особенно неровный, ноготь, разглядывая лежащую на столе перед ней брошюру о важности помощи пожилым людям.

— Далеко не все из наших подопечных настолько беспомощны, что умерли бы без нас от голода, это важно понимать. В основном они страдают от одиночества. Вы вряд ли будете спасать жизни, но, вполне вероятно, спасете свою душу.

Взгляд Светланы Арнольдовны вернулся к кудрявому брюнету. Он развалился на стуле, разглядывая потолок. Ни единого шанса, что эта обязаловка поможет ей исправить сына.

– Марк, ты слышишь меня?

Он ухмыльнулся:

– Да, мам.

Блондинка обернулась на голос, но, столкнувшись с парнем взглядом, тут же вновь опустила глаза на брошюру.

– Вот и отлично, — тихонько кашлянув в кулак, Светлана Арнольдовна положила на первые парты стопки листов с именами и адресами подопечных. — Передавайте своим соседям, не торопитесь, спокойно. Те, кому достанутся одни и те же люди, работают в парах. Приступайте завтра. А сейчас ещё немного о том, что именно мы будем делать...

Оглянувшись по сторонам, Крис заметила, что большинство студентов уже нашли свою пару или сразу выбрали те же страницы, что и соседи. Никто не выглядел одиноко. Кроме разве что...

– Ты Марк, верно? Полагаю, мы работаем вместе? — осмелилась девушка подойти к парню после занятия. На своих лопатках она чувствовала взгляд Светланы Арнольдовны.

– Ага, — пробурчал парень и, подхватив с пола пыльный черный рюкзак, двинулся к выходу.

– Подожди! — она догнала его лишь на середине коридора. Марк остановился, сложив руки на груди. — Разве мы не должны договориться, в какое время будем ходить к Лилии... — она взглянула на лист с адресом, — хм, здесь нет отчества.

– Будем ходить по очереди. Чур мои дни вторник и четверг, там у меня нет тренировок. Что-нибудь ещё?

Крис открыла уже рот, чтобы объяснить, что навещать подопечную они должны вместе, но промолчала. В конце концов, это мать Марка — организатор. Должно быть, ему виднее.

– Вторник и четверг, окей, без проблем.

– Найс, — кивнул Марк.

За спиной Кристины едва слышно скрипнула дверь кабинета, но, когда девушка обернулась, она никого не увидела.

3

У квартиры Кристина замерла, оглядывая свою одежду. Стерла пятнышко с бежевой туфли, поправила волосы. Наконец прикоснулась к старомодной квадратной кнопке звонка у обитой рыжим кожзамом двери.

Раздалась мелодичная трель, и замок щелкнул так быстро, что девушка ощутила, как к щекам прилила кровь. Замешательство заметили?

– Здравствуй, дорогая, — женщина, открывшая дверь, улыбалась. — Кристина, верно?

– Да, добрый день! Простите, не знаю вашего отчества...

– Просто Лилия. Разувайся, проходи. Я уже поставила чайник.

Когда Крис листала брошюру, ей представлялись страшилки наподобие тех, что она слышала от собственной бабушки. Старики, живущие в горах мусора, забывающие закрыть кран и затапливающие соседей снизу, умирающие и разлагающиеся неделями в собственных жилищах, пока их не найдут... Квартира Лилии была чистой, да и хозяйку старушкой не назвать. Подтянутая элегантная женщина, ей можно было бы дать даже лет сорок, если не вглядываться в морщинки у глаз.

Обстановка была скромной. На вешалке висело всего одно пальто. Аскетизм, родственник бедности, брат-близнец

вошедшего в моду минимализма. Впрочем, двери в комнаты закрыты — возможно, там мебели больше.

Пахло чаем и ещё чем-то похожим на кофе.

— Хотите цикория? — поймала Лилия чуть удивленный взгляд девушки. — Конечно, настоящий американо мне уже давно можно лишь во снах. Как и многое другое, впрочем.

На клетчатой красной скатерти разместились две чашки, пузатая сахарница с едва заметной трещинкой у ручки, а ещё конфеты — наверняка подсохшие, как и всегда у бабушек.

— Не ожидала, что у меня так прилично будет, да? — усмехнулась Лилия.

— Нет, что вы... Не знала, чего ожидать, пожалуй, — призналась Кристина. — Да и непохоже, что вам нужна помощь.

— Помощь нужна всем, но не у всех есть близкие, — пожалала женщина плечами и разлила кипяток по чашкам. — Я не слишком часто выхожу на улицу. Сейчас есть все эти сервисы, доставки, курьеры, конечно. Но зрение уже не то, сложно заказывать самой, а на лестнице каждый раз споткнуться боюсь. По дому же вам особенно делать ничего не придется, ну разве что раз в месяц с уборкой помочь.

— Да-да, конечно, — девушка записала в телефон «покупки + 1 уборка в месяц». — С чего начнем тогда?

— Может, просто познакомимся для начала?

Кристина кивнула и тут же чуть не взвизгнула, когда её ноги коснулось что-то мохнатое.

— Ой, у вас кошка, — с облегчением выдохнула она и на-

клонилась почесать животинку за ухом. Кошка помурчала в ответ и отошла к стулу хозяйки.

— Что, посадить тебя на подоконник? Старая она уже, как и я.

— Ну что вы, вы совсем не...

— Ой, перестань. Хотя, конечно, помощи я бы не попросила в противном случае. Я и так-то до последнего сопротивлялась, но ко мне приходили снова и снова. Беспокоит их, что я вдова. Вот была же молодость, совсем недавно, кажется... И кавалеры были. У тебя их, наверное, толпы? — Кристина смущенно помотала головой, откладывая телефон, а Лилия указала на черно-белую фотографию молодого парня в форме на заставке: — А он?

— Это мой дедушка, он умер неделю назад, — потупилась Крис.

— Соболезную. Догадываюсь, что вы были близки, раз его фотография у тебя на экране телефона.

— Спасибо. Мы обсуждали буквально всё, что происходило в моей жизни... А с кавалерами как-то не складывается. Вот вы как их искали в юности?

— Поначалу тоже было нелегко, но потом я встретила Петю...

Стояла ранняя осень. Листья уже позолотели, но ещё не шуршали под ногами. Молодые сотрудники НИИ только устроились на работу после института и держались отдельно

от «старичков», заслуженных ученых. Так и начали общаться, в пузыре всеобщего молчания.

Сначала Петя занял стол рядом с Лилей, потом стал провожать её до дома по вечерам. Тощий, рыжий, веснушчатый — он казался хорошим, тихим мальчиком. Мечтал о будущем, где роботы будут делать всю работу, а люди смогут посвятить себя науке и искусству.

— Зачем же мы тогда вообще нужны будем? — смеялась Лилечка, стройная и высокая девушка, с длинной толстой косой.

Она жила с родителями, и занавеска то и дело шевелилась, когда Петя слишком уж долго задерживался у их подъезда. Выбор дочери (хоть она ничего и не выбирала пока, а лишь разрешала себе быть объектом юношеской влюбленности) они одобряли. Как-то выяснили уже, что мальчик из провинции, но учился на отлично, его дипломная работа заинтересовала серьезных начальников в НИИ. Совсем не то, что сама Лилечка, которую на работу устроили всё те же родители.

Поначалу Лилечка даже не рассматривала своего ухажера всерьез. Он был не в её вкусе, она только пришла в новый коллектив, вокруг были десятки интересных мужчин. Пару раз она даже влюблялась. Не всерьез, конечно, а так — писала стихи да вздыхала бессонными ночами.

— И что же изменилось? — Кристина забыла про остыв-

ший уже чай, слушая историю будто бы из дамского романа.

– Однажды я встретила его там, где не ожидала. Поехала на автобусную экскурсию, захотелось отдохнуть от Москвы. Оказалось, он подрабатывал экскурсоводом по выходным. Раньше я не замечала, насколько мало у него было денег, не думала, почему он никогда не обедает и почему предпочитает ходить пешком, не думая, что меня всё ещё в основном обеспечивают родители, а не смешная зарплата. И вот он рассказывал что-то про архитектуру, памятники, заводы, а я просто сидела и не могла оторвать от него глаз, как бы банально это не звучало. Он был настолько на своем месте там, в этой духоте покачивающегося автобуса, что я вдруг представила, как мы гуляем по Москве и путешествуем по городам России всю оставшуюся жизнь.

– Он признался вам в любви?

– О, он признавался ещё до этого, за пару месяцев, может. Я не нашлась, что ответить. А он больше и не возвращался к этой теме.

– А в тот вечер?

– Я каталась с ним все выходные. Родители меня потеряли и жутко волновались. Позже отчитали, но мне было уже всё равно...

Лиля не ушла вместе с другими пассажирами, ждала, пока Петя освободится. Он заметил её и замер в нерешительности. За всю поездку они не сказали друг другу и пары слов.

– Проводишь меня? — спросила она, а сердце в её груди трепетало так сильно, что, казалось, должно было быть видно всем вокруг, проступить прямо сквозь тонкую блузку.

Они шли молча минут десять.

– Я подумала... Я поняла... Я обдумала то твое признание, помнишь?

Петя шел быстро, и Лилечка едва поспевала за ним, дробно цокая по высохшему уже весеннему асфальту каблучками.

– Я согласна быть твоей девушкой, ты мне нравишься.

— И всё, хэппи-энд? — выдохнула с улыбкой Кристина.

– Что ты, — рассмеялась хозяйка квартиры. — Всё только начиналось, как это и бывает в молодости. Не буду тебя задерживать, сейчас найду список покупок и можешь идти.

– А вы расскажете продолжение вашей истории?

– Обязательно, когда придешь в следующий раз.

– В следующий раз приду не я, — поморщилась Крис.

– Почему? — не поняла Лилия.

– Мы работаем в паре с одним мальчиком, но он не захотел ходить вместе, сказал, будем чередоваться.

Лилия хмыкнула:

– Я поняла. А ты хотела бы с ним работать, полагаю. Не спорь, я всё уже увидела на твоей грустной мордашке. Божечки-кошечки, годы идут, а мир совершенно не меняется. Не беспокойся, мы придумаем что-нибудь, — и хитро под-

мигнула.

Марк с силой надавил на кнопку звонка. В квартире раздалась трель, и дверь почти тут же распахнулась.

Перед Марком стояла подтянутая улыбающаяся немолодая женщина, почему-то напомнившая ему мать, и парню тут же захотелось тайком выплюнуть жвачку, которой он скрывал запах от сигарет.

– Полагаю, ты мой второй помощник, — протянула ладонь Лилия, и Марк инстинктивно пожал её, но тут же отдернул руку и поспешно стал разуваться.

– Марк. Что могу сделать для вас?

– А я Лилия, но ты уже это знаешь. Кристина вчера забыла купить молоко, а ещё за день накопилось мусора.

Кивнув, парень без лишних комментариев прошел на кухню, погромел ведром, вытягивая из него пакет, быстро обулся и вышел. Лилия не стала закрывать дверь, и, вернувшись через десять минут, Марк уже не звонил.

Дернув на себя дверцу холодильника так, что та жалобно скрипнула, он закинул внутрь пакет молока и обернулся к хозяйке.

– Чаю? — спросила та.

Марк хотел было отказаться, но, вновь поймав знакомый, будто бы мамин, взгляд, сел на шаткую табуретку.

Лилия, деликатно звякая ложечкой в чашке, спросила:

– Почему ты решил заняться благотворительностью?

Парень пожал плечами, но всё же ответил:

– Мать хочет, чтобы я стал лучше.

– Она считает, что ты плохой?

– Наверно. Не знаю.

– Почему же?

– Меня поймали с сигаретой в подсобке в универе. Пожароопасно и всё такое.

– И был скандал?

– Да, вроде того. Она думает, если я буду помогать людям, во мне что-то изменится.

– А ты хочешь этого?

– Почему вам не помогают дети? — сменил тему Марк.

– Детей нет, а муж умер несколько лет назад, — мягко улыбнулась Лилия.

– Должно быть, вы скучаете по нему? — вежливо предположил он.

– Признаюсь, я вышла замуж по расчету...

После того, как их пути с Петей разошлись, Лилечка не смогла никого найти. Поначалу это не сильно её беспокоило, но месяц за месяцем тучи сгущались.

К тому же с родителями начались проблемы. Мать не прекращала ворчать. Был бы он с тобой, был бы он здесь, была бы ты с ним — всё было бы иначе, повторяла она. Но Пети не было и уже быть не могло. Он почти сразу встретил на новой

работе новую же девушку, и с ней, судя по слухам, сложилось всё куда лучше, чем с Лилей.

Во время расставания Петя сжимал руки Лили и рыдал, что никого не найдет, ни с кем не будет больше таких отношений, но никого не нашла как раз она.

— Когда же мне наконец сделали предложение, я не смогла отказаться. Моему мужу было одиноко значительно дольше, чем мне. И он всегда был вежлив и галантен. Открывал двери, подавал пальто, подвозил на работу, частенько водил в рестораны по выходным, благо денег у него всегда хватало.

— Что же было не так? — спросил Марк, стараясь казаться равнодушным. Что-то в истории этой пожилой женщины цепляло его, казалось интересным.

Лилия улыбнулась и взглянула на часы:

— Положенный час ты отсидел, мама будет тобой гордиться. Надеюсь, я не слишком тебя утомила своими рассказами.

Марк кивнул и, быстро помыв чашки, пошел обуваться.

5

Мой дорогой, мой любимый, мой свет.

Сейчас от тебя действительно остался лишь свет, ты превратился в горстку пепла.

Я давно сбилась со счета. Какое это письмо? Впрочем, не важно, ведь ты не читал ни одного из них.

Помню, в первых письмах я умоляла тебя простить меня и передумать, они были написаны в период, когда мы не общались.

В следующих я раз за разом перебирала драгоценные жемчужины тех дней, когда легко было представить, что мы вместе. Я и сейчас живу всё в том же городе, всё в той же квартире, регулярно обхожу те же улицы. С годами стало сложнее, я ползаю как черепаха, едва могу добраться до ближайшего парка, но и там в воздухе, на ветках деревьев, в охапках опавшей листвы остаются обрывки воспоминаний. Кажется, только ими я и жила все эти годы.

Знаю, что на самом деле ты любил меня. Знаю теперь, потому что ты признался мне несколько недель назад, но на самом деле чувствовала это и раньше. В какой момент нас оттолкнуло друг от друга? Был ли это мой страх неизвестности, одиночества, из-за которого я была с Петей так долго? Был ли это твой страх совершить ошибку, позволить себе свои чувства?

Едва ли мы однажды узнаем.

В некотором извращенном смысле я даже рада, что всё сложилось именно так. Человеческие отношения — очень хрупкая вещь. Мы могли растоптать наши чувства, решившись, попытавшись, передумав. Сейчас же мы будем вместе иначе — и уже навсегда.

Но могу ли я не думать, какими стали бы эти годы, если бы мы были друг у друга? Как мы просыпались бы, смеясь, щекоча друг друга и целуясь. Как готовили бы по утрам ты чай, а я кофе. Как по пятницам после работы ты творил бы на кухне нечто особенное, чего не подают и в самых шикарных ресторанах, а я доставала бы из шкафа наши любимые позолоченные высокие бокалы для вина. Как мы праздновали бы каждый месяц, который провели вместе и в котором спасли друг друга снова. Как постепенно седели бы твои виски, а я выбирала бы стрижки всё короче и юбки всё длиннее. Как ты бросил бы курить, а я — пить, а потом наоборот. Как мы гуляли бы в том самом парке по утрам с твоей любимой колли, а потом со следующей, а потом ещё с одной, ведь собачий век гораздо короче нашей любви.

Смогли бы мы так жить? Смогли бы мы стать по-настоящему счастливыми?

Мне хочется верить, что да. Мне хочется верить, что нет.
Навсегда твоя, Лилия.

6

На этот раз позвонила в дверь Крис уже смелее.

Лилия открыла не сразу и показала на прижатую к уху телефонную трубку.

– Да-да, я могу принять вас завтра утром, нам надо успеть составить документ...

Кристина прошептала:

– Я пока протру пыль.

Возможно, хозяйка этого и не услышала. Она уже направилась в кухню и плотно прикрыла за собой дверь.

Девушка зашла в ванную помыть руки и найти подходящую тряпку. В чужих домах ей всегда было чуть неловко от того, что всё дышит чужой жизнью, и, казалось, стоит приотронуться — сразу что-то сломаешь. Неловко и всё же любопытно.

Ремонт в ванной явно был сделан значительно раньше, чем в остальной квартире. Побелка на потолке шелушилась, краска на стенах была покрыта пятнами, которые Лилии не удалось или не захотелось оттереть.

В железном тазу под ванной Крис заметила тряпку, покрытую пылью, и, промыв её, выглянула в коридор. Дверь кухни всё ещё была закрыта, как и соседняя с ней — видимо, в спальню — и девушка проскользнула в гостиную.

Протирать было особо нечего, обстановка в комнате была

почти спартанской, как девушка успела отметить ещё в прошлый визит. Узкий диван, скрипучий гардероб, полный платьев, которые пахли духами и средством от моли, старомодная стенка с посудой, невысокий комод, письменный стол у окна. Мебель была из разных наборов и не сочеталась по цвету, будто часть уже продали, а часть привезли откуда-нибудь с дачи.

Один из ящичков стола был задвинут неплотно, Крис заметила внутри много старых тетрадей.

На столе стояла статуэтка собаки, на подоконнике — рамка с выцветшей фотографией. На фото светловолосый художавый юноша на берегу реки, солнце светит ему в глаза, и он слегка прикрывает их ладонью. На его лице улыбка, кажется, через пару секунд он засмеется.

— Шпионишь? — едва не подпрыгнув от неожиданности, Крис обернулась к двери, Лилия улыбнулась ей.

— Может, чуть-чуть, — призналась девушка. — Это тот парень, о котором вы рассказывали?

— Нет, это не он, — покачала головой хозяйка. — Пойдем на кухню.

Присев за кухонный стол, Крис огляделась, чтобы пристроить куда-то влажную тряпку, которая ей так и не пригодилась. Лилия быстро протянула руку, избавив девушку от неловкости.

— А что было дальше с тем парнем? Вы вышли за него замуж?

– Нет, мы расстались.

– Почему?

– Я изменила ему. Полюбила другого.

– Жаль, — вырвалось у Крис. Ей тут же захотелось извиниться, но Лилия всё ещё улыбалась.

– Нет, не очень. Иногда только любовь к другому человеку помогает понять, что вы не подходите друг другу. Сразу разорвать отношения мы с Петей не смогли, было страшно потерять друг друга. Когда ты молод, кажется, у тебя есть всего одна попытка, лишь один шанс. Да и к тому же завязли мы уже глубоко, знали родителей друг друга, выбирали дату свадьбы... Иногда сам не замечаешь, как оказываешься в болоте по шею.

– Я понимаю ваш страх. Мне кажется, у меня и одного шанса может не быть.

– Не думай так! У тебя ещё всё впереди. Молодость — время поисков и ошибок, не бойся поступить неправильно.

Крис взглянула на часы:

– Божечки-кошечки! — воскликнула она, смутившись, как глупо прозвучало это подражание Лилии, но та расхохоталась.

– Иди-иди, сегодня ты уже проверила, нет ли где пыли, хватит для одного дня. А порассказывать историй я ещё успею. К тому же у меня есть одна презабавнейшая идея...

На этот раз Марк зашел в магазин по дороге, чтобы не ходить два раза. Лилия осталась довольна его выбором.

– Ну вот разве что такие конфеты мне нельзя, зубы уже не те, что раньше. Выпьем чаю?

Парень благодарно кивнул и присел. Пальцы саднило от тяжелого пакета, но в этом было что-то приятное.

– Как твоя мама? Довольна новой активностью сына?

– Думаю, да.

– Вы не разговариваете об этом?

– Мы вообще не слишком часто говорим, а когда начинаем, то всегда скатываемся к претензиям и жалобам. Проще молчать, чем постоянно признавать себя плохим человеком.

– Не бывает плохих людей. Конечно, есть грабители и убийцы, но это явно не твой случай, — улыбнулась хозяйка. — У каждого свои слабости и темные пятна в прошлом.

– А у вас?

– Однажды я полюбила... — протянула она со вздохом.

– Что же в этом плохого?

– Полюбила я не того, кого нужно, и причинила этим много боли.

– Вашему мужу?

– И ему тоже, но он был... хладнокровнее. Пете, моему первому парню, было гораздо больнее.

– Вы изменили?

– Возможно, не в физическом смысле, хотя иногда мы с *ним* позволяли себе объяться, а однажды даже поцелуй. Но сердце моё всегда принадлежало только *ему*, и на это непрусто закрывать глаза. А тебя уже посещала любовь?

– Пока не складывалось, — пожал плечами Марк, разворачивая конфету. — Расскажите больше о своей любви?

– Возможно, но у меня есть одно условие, — Лилия хитро улыбнулась, и парень почувствовал укол любопытства. — Твоя сменщица тоже заинтересовалась моей историей, но мне не очень хочется рассказывать её дважды.

– Хотите, чтобы мы ходили к вам вдвоем?

– Кажется, изначально именно на таких условиях ко мне приставляли помощников.

Помедлив, Марк усмехнулся:

– Я напишу ей. Завтра вы уже ничего от нас не скроете!

– И не планировала, — рассмеялась Лилия. — Конфет теперь много, рассказывать можно будет хоть до позднего вечера.

8

Комната залита ярким солнечным светом.

Лилия осторожно перебирает шерсть Кошки, лежащей на её коленях, вычесывает колтуны, на щетке остаются целые пучки. Кошка молчит, только изредка дергает хвостом.

– Потерпи, моя хорошая, потерпи. Тебе тоже недолго мучиться осталось.

Закончив, Лилия перекладывает Кошку на диван, подходит к книжным полкам, достает из книги со стихами выцветшую фотографию. На ней два парня и девушка. Между одним из парней и девушкой виден залом — фотографию часто сгибали.

– Я очень устала, ты же знаешь? Ты тоже под конец устал.

Лилия оборачивается к урне, стоящей на комодe и шепчет:

– Спасибо, что позволил мне закончить эту историю правильно.

9

— Познакомились мы по телефону, — начала свой рассказ Лилия.

Ребята сидели друг напротив друга, по разные руки от хозяйки. По дороге к ней они не обменялись и парой слов, обоим было неловко и непонятно, о чем говорить после столь неудачной первой встречи.

— Понимаю, сейчас у вас, молодежи, это обычное дело, но тогда телефоны умели меньше и в карман ещё не помещались.

Мы встречались с Петей уже несколько месяцев, пару раз он приходил ко мне выпить чаю, и приближалось время следующего шага. Нет, не того, о котором вы подумали! — Лилия с усмешкой погрозила им пальцем. — Петю было пора показать остальным моим родственникам. Приближался мой день рождения, и мне наказали позвонить молодому человеку, не дожидаясь понедельника, и пригласить его, да так, чтобы не вздумал отказаться.

Я знала, что он жил с ребятами, бывшими сокурсниками. Квартира принадлежала одному из его соседей. Я позвонила, и через несколько гудков мне ответил незнакомый мужской голос.

«Да?»

«Здравствуйте, это Лилия, девушка Петра. Можете по-

звать его к телефону?»

«К сожалению, Лилия, сегодня я здесь совсем один. Петя уехал к родным, вроде бы. Передать ему что-то, когда он вернется?»

Отказавшись и повесив трубку, я подумала, что голос незнакомца и правда звучал одиноко и немного грустно даже. Может, зря я и его не позвала на день рождения? Но что за глупости, мы ведь даже ни разу не виделись.

Уже скоро я забыла об этом разговоре. Петю пригласила при встрече на работе, праздник пришел и миновал, родственники ожидаемо одобрили моего ухажера, дни сменяли друг друга.

Ещё через несколько недель подкрался и Петин день рождения. Он позвал меня в гости, обещал веселый вечер с ребятами и много вина. Я вырядилась как куколка, в пышное бордовое платье, которое сшила мне мама.

Дверь открыл высокий брюнет с прилизанными волосами, в рубашке и жилете, будто бы он собрался в театр. Я ощутила легкое разочарование, успев за секунду вспомнить разговор с незнакомцем, которого я представляла более привлекательным. Но какое мне дело, что за соседи у моего без пяти минут жениха?

«Привет, я Герман!», — сказал парень. Он немного картавил, между передних зубов была неприятная щелочка.

Петя отодвинул соседа, обнял меня, забрал пакет с продуктами на салаты.

«Разувайся, проходи в зал! Через пару минут подойдем. Герман, поможешь?»

Я скинула туфли, открыла указанную дверь. В кресле у окна в облачке дыма сидел, видимо, другой сосед Пети. Блондин, с кудрями почти до плеч, рукава рубашки, облегающей мускулистые руки, закатаны до локтя.

«Привет!» — улыбнулась я.

«Привет, Лилия, девушка Петра».

Тот самый голос, ошибки быть не могло. Я улыбнулась и прошла наконец в комнату.

«Да, всё верно. А вот ты не представился, одинокий парень».

«Я Леша. И как ты поняла, что я одинок?» — усмехнулся он.

Непривычным, неправильным и притягательным для меня было в нем всё. Ещё ни разу я не видела, чтобы кто-то так спокойно курил в квартире, да ещё и при девушке.

«Ты же знаешь, что от курения умирают?»

«Как и от жизни, — пожал плечами Леша. — Хочешь попробовать?»

Почему-то совсем не смутившись, я тут же наклонилась к его трубке, чтобы впервые в жизни затянуться. Разумеется, закашлялась, и мы рассмеялись.

— Вы не против, если я закурю? — прервала Лилия свой рассказ.

Марк неопределенно дернул плечом, Крис поморщилась, но кивнула:

– Это же ваша квартира.

– Можно и мне одну? — осмелился спросить парень.

– Лови. От матери прячешься?

– Я бросаю, но пока без особых успехов. Ну и её тоже не хочется огорчать.

Кристина бросила быстрый любопытный взгляд на напарника, но не стала ничего спрашивать.

– Итак, с того дня всё и началось...

В первый же вечер мы разговаривали не переставая. К счастью, все были веселы, дух праздника захватил нас с первого же бокала, и ближе к ночи мы пошли в соседний парк — упускать такую хорошую погоду не хотелось.

Герман был изрядно пьян, он вообще быстро пьянел. Постоянно дергал Петю за рукав и рассказывал какие-то истории из своего детства, про брата и бабушку, про собачек и умерших хомячков, про двойки в первом классе и ещё какую-то никому не интересную чушь. Петя оглядывался на меня и незаметно для собеседника улыбался, я улыбалась ему в ответ, обсуждая с Лешей книгу, которую мы оба по совпадению недавно читали.

Мир вокруг искрился и сиял, как бывает только после двух-трех бокалов вина, краски стали насыщеннее и глубже, свет фонарей мягче. Где-то залаяла собака, я инстинктивно вцепилась в рукав Леша.

«Боишься?»

«Не всех, только тех, что без хозяев. Кто знает, что у них на уме».

Собака подбежала ко мне, приветливо помахивая хвостом. Это была колли.

«Не бойся, видишь, она не хочет нас обидеть», — Леша наклонился и потрепал собаку за ухом. Где-то свистнул её хозяин, и дружелюбная лохматая незнакомка убежала.

«Любишь собак?»

«Не всех, но больших обожаю. Колли — моя любимая порода. Однажды обязательно заведу двух или трех, когда буду жить один».

«А я бы кошку завела».

«Кошки — тоже хорошо. У родителей их много. У нас частный дом, там пространства хватает на всех».

Я и не заметила, как прошло ещё несколько часов.

«Ох, меня ведь ждут родители. Наверное, уже места себе не находят. Петя!»

«Позвони от нас, я ещё немного пройду с Германом, ему нехорошо. Лех, проводишь?» — отозвался мой возлюбленный.

Леша кивнул.

Родители почти не переживали, но всё же попросили в следующий раз предупреждать:

«Дело молодое, если хочешь, можешь поспать у мальчиков, чтобы не ждать открытия метро. Только веди себя при-

стойно», — шепнула мама в трубку.

Я случайно поймала взгляд Леша и почувствовала, что краснею.

«Хорошо, не переживайте, увидимся днем», — и я положила трубку.

Леша достал из гардероба стопку пледов.

— Всё в порядке? Можешь лечь на мою кровать, я на диване вздремну. Тут будет тише, ребята не разбудят, когда придут.

— Спасибо, — прошептала я.

Сердце моё колотилось так, будто я бежала марафон, а не пыталась уснуть. Подумаешь, новый знакомый дремлет в соседней комнате. Я не боялась его и уж конечно не собиралась творить глупостей, что бы там ни думала мама. Но что-то волновало меня... Должно быть, то, что я оставила Петю одного разбираться с пьяным товарищем.

Как бы там ни было, в квартире ребят я спала первый раз, но далеко не последний. Скоро я стала частым гостем. В основном общалась со всей компанией, но иногда заходила, пока Петя работал по выходным — выпить чаю с Лешей, чтобы ему не было так одиноко.

Раньше я дружила только с девочками, и потому любая реплика Леша казалась мне необычной. Он смотрел на все вещи иначе, чем я, иначе, чем любой из моих знакомых. Мы могли начать обсуждать новости, а закончить античной философией, могли от политики незаметно перейти к литера-

туре или кино. Чем больше мы общались, тем больше я читала, чтобы подтвердить или опровергать собственное, казалось бы, давно сформированное мнение. Мы ни разу не ссорились, никогда не обижались друг на друга, даже если притеревались прямо противоположных точек зрения.

С Петей так не выходило. С ним мы скандалили без конца. Ему могло не понравиться, как я одета, меня могло задеть, с какой интонацией он мне отвечал. Я ревновала его к многочисленным подругам на работе, он ненавидел, когда на моих глазах появлялись слезы.

Но это всё казалось не таким уж и важным. Любые отношения — это труд. Всегда надо с чем-то мириться. Я уже съездила в его родной город, познакомилась с родителями и сестрой. Отношения с ними строились так же запутанно, как и с Петей. Меня боготворили, как гостью из столицы и будущую невестку, но в то же время сомневались, выйдет ли из меня хорошая жена, не слишком ли я избалована и нехозяйственна. После каждого разговора с ними Петя обнимал меня и говорил, что их мнение ничего не значит, ведь мы любим друг друга, и я соглашалась. Главное было не разреваться, чтобы не поссориться снова.

Леша выслушивал меня вечер за вечером и всегда мирил нас. Успокаивал меня, бродил часами по улицам с Петей, если было нужно.

«Думаешь, это я виновата во всех наших конфликтах?»

Леша пожимал плечами:

«Отношения — сложная штука. Многие мои друзья начинали ссориться, как только проходила первая влюбленность. Вы проводите столько времени вместе, уже почти как муж и жена. От притирки никуда не деться. Быт часто убивает любовь, но ваша, может, и выживет».

«Если и так, то благодаря тебе», — улыбалась я.

Сигареты закончились, Лилия потушила последнюю в хрустальной пепельнице и подошла к раковине, чтобы сполоснуть её.

– Вы не устали? Простите, если мы слишком допытываемся, ваша история такая интересная, — взглянула на часы Кристина.

– Всё в порядке, мне нужно кому-то это рассказать... именно сейчас. Он до сих пор мне снится. Я рада, что вы ходите ко мне. Но я и правда немного устала, да и ваши родители наверняка уже волнуются.

Марк молча встал и пошел обуваться, Крис помогла Лилии убрать со стола.

– До свидания! — крикнул парень из прихожей. Хлопнула дверь.

– Что же ты стоишь тут? Может, он тебя проводит, так безопаснее.

Крис едва заметно покраснела и кивнула:

– Спасибо, до свидания.

После того, как дверь хлопнула ещё раз, Лилия подошла

к окну и долго смотрела вдаль, поглаживая Кошку.

Марк курил, стоя у подъезда. Крис чуть не врезалась в него, выбежав на крыльцо.

– Воу, осторожнее!

– Извини. Я думала, ты бросаешь?

– Сказал же — ещё в процессе.

Марк уткнулся в телефон, затем понял, что девушка не уходит, и вновь поднял глаза:

– Чего тебе?

– Пойдем вместе? Темнеет.

Марк хмыкнул и выкинул бычок в мусорку.

– Как скажешь, принцесса.

– Хочешь жвачку? Чтобы мать ничего не спрашивала?

– Спасибо, не откажусь. Хоть она и всё равно догадается.

– Вы с ней не ладите?

– Когда как. Если у нее хорошее настроение, то можем телек вместе посмотреть или что-нибудь вроде того. Но в основном она задолбанная своей работой и моими оценками и орет по поводу и без. Твои предки не такие?

– В последнее время порой ссоримся. С дедушкой было иначе, но он... Уже не с нами.

– Переехал?

– Нет, умер.

– О, сорян. Соболезную, типа.

– Спасибо.

На этом разговор оборвался, обсуждать Лилию было как-то неловко — так и дошли молча до метро.

– Дальше доедешь? Я на этой станции живу, вон в том доме.

Марк взглянул на свои окна, и ему показалось, что занавеска на окне шевельнулась.

– Конечно, спасибо. Увидимся.

– Увидимся, — Марк выплюнул жвачку и направился в сторону дома.

Лилечка лежит на узкой кровати, вцепившись в краешек, чтобы не свалиться. На её талии рука, теплая, по-дружески нежная. Она ощущает сонное дыхание Леша за своей спиной.

Нечего и думать о том, чтобы уснуть — так колотится сердце. Из одежды на Лиле лишь узкие трусики, которые она собиралась снять, но смутилась, а потом момент уже прошел.

Ей хочется, чтобы Леша не спал. Чтобы он лежал так же настороженно, ловя каждый её вдох и выдох, гадая, спит ли она. Чтобы его рука притянула её ближе, скользнула по груди, животу, бедрам.

Хочется самой обернуться и, заправив прядь волос за ухо, наклониться к возлюбленному, прижаться губами к его шее, затем к подбородку, мочке уха, виску.

Хочется сбросить оцепенение, поцеловать Лешу, перекинуть через него ногу, самой вести рукой всё ниже. Возбудит ли это его? Есть ли у нее хоть малейшая власть над его телом?

Наконец Лиля решается обернуться и видит перед собой улыбающееся лицо мужа, который тут же радостно тянется поцеловать её своими омерзительно влажными губами.

Вскрикнув, Лилия открывает глаза. Один сон, год за го-

дом, ночь за ночью. Не он ли причина того, что ей так не терпится со всем покончить?

— Я давно похоронила тебя, Герман, мать твою, — шепчет Лилия и ей слышится звук, с которым захлопнулась дверь подвала. Пытается снова уснуть, но это ей не удается.

Вздыхнув, она встает и проходит босиком по скрипучим половицам на кухню. Вода из-под крана кажется такой же вкусной, как в детстве, хоть Лиле и твердили всю жизнь, что пить её не безопасно. Не всё ли теперь равно?

Повернувшись к окну, она вздрагивает, заметив лохматое тельце прямо посреди стола. Вот чем она занимается по ночам?

— Эй, Кошка, ты что там делаешь? И не стыдно? — ворчливо бормочет Лилия, подходя ближе.

Кошка не реагирует. Её открытые глаза неподвижно смотрят в потолок.

Крис позвонила в дверь, но ей не открыли. В квартире было тихо.

– Чего ждем? — раздался за спиной голос Марка, и Крис вздрогнула.

Они уже виделись утром, но даже не поздоровались. Крис пришла в кино с подругой, на утренний ретро-показ «Титаника». Конечно, она видела его и раньше, но теперь история почему-то показалась ей похожей на рассказ Лилии. С Марком она столкнулась в холле, после фильма, как раз в тот момент, когда искала зеркальце, чтобы поправить поплывший от слез макияж.

Сейчас, привалившись к перилам, парень смотрел на Крис с легкой усмешкой, будто она была не девушкой, а цирковым тюленем как минимум.

– Так и будешь молчать?

– Ты первый начал.

– Когда?

– Утром.

– Сорян, задумался. Да и мне показалось, что это был не лучший момент для разговоров.

Покраснев, девушка предпочла сменить тему:

– Лилия не открывает.

– А вон там не она? — указал Марк за окно.

Там и правда была их подопечная, кажется, пропалывала клумбу на другой стороне дороги перед домом.

– Я думала, она не выходит на улицу?

– Пойдем узнаем.

В руках Лилии была аккуратная лопатка, и копалась она не в клумбе, как вначале показалось ребятам, а в траве у скамейки. Рядом на земле лежал свитер, свернутый в несколько раз.

– Добрый день!

– Ох. Привет, ребяташки.

– У вас всё хорошо?

– Не вполне, — грустно улыбнулась Лилия. — Вот, Кошка...

Крис охнула, Марк отобрал у женщины лопатку.

– Присядьте лучше, зачем вам так напрягаться.

Опершись о скамейку, Лилия поднялась, сверток забрала с собой.

– Когда-то это был свитер Леши. Когда я надевала его, Кошка особенно любила лежать на моем животе. Это меньше, чем я могу отблагодарить её за все годы рядом.

– Раз у вас его свитер — история заканчивается хорошо? — осторожно спросила Крис.

– Кто знает, точка ещё не поставлена. Ну а свитер я стащила, лет тридцать назад.

Чуть не рассмеявшись, Марк спохватился:

– Готово, можем укладывать.

Когда вернулись в квартиру, Лилия прошла на кухню прямо в обуви, тяжело опустилась на табурет у окна. Кристина поставила чайник, Марк достал пепельницу.

— Всё случилось так незаметно, — негромко произнесла Лилия, и ребята не сразу поняли, что она уже не о Кошке. — Леша выслушивал меня вечер за вечером, я уже об этом говорила. Ночь вообще особое время. Перед сном мы говорим только с теми людьми, которые действительно нам важны, так же, как утром вообще не хотим говорить. Мы стали гулять каждую неделю, потом — чуть ли не каждую ночь. Обсуждали всё понемногу: прочитанные книги, планы на будущее, политику, религию... Запретных тем не было — не то, что с Петей.

— С ним вы не гуляли ночами? — уточнила Кристина.

— Разве что в самом начале отношений, но потом это сошло на нет. Говорить нам было не о чем, он любил показывать, что умнее меня, любил перебивать, обрывать на полуслове. Рядом с ним я всегда чувствовала себя какой-то неправильной, глупой, поверхностной. Мы были коллегами, занимались почти одним и тем же, но стоило кому-то заговорить со мной, как Петя отвечал за меня. Постепенно я приобрела ярлык «спутницы Пети» как у коллег и начальства, так и среди общих друзей.

Только много позже он сказал, что на самом деле он считал себя недостойным меня со всеми моими книгами и раз-

мышлениями об искусстве. Если бы я знала это, могла бы попробовать что-то изменить, но всё шло как шло.

Ссоры не прекращались. Меня могли отправить переодеться, даже если я готовилась выйти из дома два часа. Со мной могли не разговаривать из-за того, что я не услышала ответа на вопрос и переспросила. Над моими переживаниями смеялись. Мои слезы презирали. День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем. Такой была наша любовь.

Родители тем временем уже начинали беспокоиться, что мы не женимся. Петя злился, когда я пыталась обсудить наши планы на будущее, говорил, что я тороплю его. Я убеждала его, что хочу замуж, хочу детей, и только Леше могла признаться, что совершенно перестала понимать, чего мне действительно хочется.

А дальше — одна случайная мысль, пара странных шуток, несколько интуитивных шагов — и всё разрушилось, развалилось как карточный домик, разбилось как хрустальный кувшин, усеяв осколками не весь дом, но всю жизнь.

— Мне довольно часто снились странные, фантазмагорические сны. Я могла быть неведомым животным, солдатом на поле боя, полицейским в перестрелке, героем книги. И вот однажды мне приснилось, что Леша целует меня, а Петя отвернулся и не видит этого. Я проснулась такой счастливой, что самой не верилось.

Неужели я влюбилась в Лешу? Как я могла такое допу-

стить? Когда стерлась грань между нашей невинной дружбой и более близкими отношениями? Была ли вообще эта грань?

Поначалу я решила, что, как и любой другой сон, этот займет мои мысли не более, чем на пару часов, а потом рутина смоет его. Но к моменту нашей субботней встречи, уже ставшей традиционной, я всё ещё не могла перестать думать о руках Леша, о его губах, о его мускулистой спине.

Он открыл дверь, прекрасный как всегда в своей небрежности. Чуть помятая рубашка, растрепанные волосы, на плече кухонное полотенце. Привычно быстро обнял меня и ушел на кухню, откуда уже пахло крепким черным кофе.

Почему-то это прикосновение, ещё неделю назад не имевшее никакого подтекста, вызвало в моих коленях дрожь. Доставая из сумки подаренную родителям на юбилей бутылку коньяка, пропажу которого они вряд ли заметили бы, я поняла, что волнуюсь — да так, что дышать тяжело. Поправила волосы, облизнула губы, одернула слишком короткую юбку.

«Твой кофе, — Леша выглянул из кухни и протянул мне кружку. — Хм, или мы сегодня пьем не кофе?»

«Научишь меня играть в шахматы?» — немного нервно хихикнула я.

Я готовилась к этому вечеру всю неделю. Стащила у мамы учебник, двигала по доске фигуры и до конца не верила, на что надеюсь.

Он приподнял брови, но кивнул.

«Значит, с коньяком думается лучше?»

«Лучше, чем с вином».

Леша ухмыльнулся и больше ничего не спрашивал, лишь взгляделся в мои глаза внимательнее обыкновенного.

Было странно что-то придумывать, держать при себе, строить планы. Да планов толком и не было никаких — одни смутные мечты о случайных поцелуях.

С Петей мы прошли эту стадию уже много месяцев назад и наивной в любовных вопросах меня назвать было нельзя, но почему-то думать о подробностях того, куда я хочу свернуть в этот раз, было сложно. Дыхание замирало, в животе покалывало от ужаса пополам с восторгом, руки начинали подрагивать.

Конечно, я не могла смолчать — слишком привыкла говорить всё, а уж после коньяка, да ещё в таких количествах (а я пыталась пить наравне с Лешей), мыслей просто не осталось, они сразу же превращались в слова. Уже скоро я прислонилась к его плечу и, сбиваясь на смех, рассказывала и про сон, и про неловкие мысли, преследовавшие меня на протяжении всей недели, и про глупые планы соблазнения. Леша понимающе улыбался и нежно, как казалось, обнимал меня за плечи. Когда же я закончила рассказ, сказал лишь:

«Тебе бы поспать сейчас».

«Голова кружится, — поморщилась я. — Давай лучше пройдемся».

И мы дошли пешком до моего дома. Я очень много — и нервно — смеялась, шутила о своей внезапной влюбленно-

сти, и Леша смеялся вместе со мной. В тот вечер ничего не произошло, но произошло всё.

— За несколько следующих недель мы сблизились настолько, как только возможно для друзей — а мы именно так определяли наши отношения. Или, по крайней мере, так определял их Леша, я же считала каждое объятие, каждый раз, когда соприкасались наши локти или колени, каждый тёплый взгляд.

От всех моих намеков на отношения Леша отшучивался, а если я продолжала обсуждение, повторял, что я не в его вкусе, пусть его прикосновения и говорили об обратном. Ещё он признавался, что никогда не сможет поступить так с Петей. Они были не просто соседями, а самыми близкими друзьями, и Леша этой дружбой рисковать не мог.

Тем не менее, мы держались за руки во время прогулок и даже сидели в обнимку в кино. Тогда как раз показывали «Завтрак у Тиффани», и с тех пор я люблю этот фильм, как и многие другие, что смотрела с ним. Иногда я даже представляю себя героиней одного из таких фильмов, и это сглаживает трагичность моей жизни... — призналась Лилия.

– Вы и вправду похожи на Холли Голайтли. Только, хм, старше. А я-то думала, где же слышала про кошку по имени Кошка!

– Вечера вместе тоже стали проходить более романтично. Герман почти всегда проводил выходные с родителями, Петя

работал, и мы оставались наедине. Танцевали, готовили вместе, я продолжала совершенствоваться в искусстве шахмат. Довольно часто пили, но обыкновенно Леша покупал алкоголь сам, и всегда это было вино.

Однажды я решила сварить грог, о котором недавно читала. Конечно, я сделала его крепче, чем следовало, но едва ли можно было побить мой прошлый рекорд с коньяком. Так и вышло — на этот раз слишком много выпила не я.

Мы сидели на Лешиной кровати, кажется, он показывал мне какие-то книги или что-то ещё. Смотреть серьезно всё равно не получалось, мы то и дело хохотали над каждой мелочью.

В тот вечер он так на меня смотрел, что я наконец решилась сказать: «Поцелуй меня!»

Вероятно, он действительно был слишком пьян, потому что несмотря на довольно твердый ответ «нет», уже через минуту наши губы соприкоснулись.

Моя ладонь скользнула на его затылок, его руки обвивали мою талию. Ничего слишком неприличного, но — сколько электричества, сколько эмоций было в том единственном поцелуе!

Отстранившись и восстановив дыхание, он сказал: «Я ложусь спать, а ты как хочешь».

Знаю, он ждал, что я уйду, но, когда я медленно расстегнула платье, скинула его и нырнула под одеяло, спорить он не стал, хоть и пробормотал что-то недовольное.

Нет, не подумайте, ничего не было. Я уже сказала, что тот поцелуй оказался единственным. Во сне он обнимал меня, а я боялась пошевелиться, лишь бы он не убрал руку. Ночь была ужасно и прекрасно длинной, почти бесконечной, но недостаточно бесконечной для меня. В рассветных лучах одеваться было стыдно и неловко, а в дверях квартиры я столкнулась с Петей, который вернулся домой раньше обычного.

Крис и Марк давно допили чай. На улице смеркалось.

— Хватит на сегодня, — негромко произнесла Лилия. — Мы переходим к тяжелой и грустной части, — впрочем, к единственной оставшейся части моей жизни. Не хочу сейчас об этом.

Крис помыла посуду, Марк попрощался и сразу же ушел. Когда девушка вышла из подъезда, он, как и накануне, стоял на крыльце и курил.

Никто из ребят ничего не сказал этим вечером. Молча дошли до метро и лишь кивнули друг другу на прощание.

— Божечки-кошечки, вы снова тут? Я была уверена, что уже вас утомила.

Марк ухмыльнулся, Крис покраснела. Ей всю ночь снились шахматы, ночные объятия, близость со вкусом коньяка и волнующие первые поцелуи.

Лилия прошла на кухню, достала из верхнего ящика красивую трубку из темного дерева. Лак на трубке был покрыт мелкими трещинками — кажется, пользовались ей уже долго.

— Это его, Леша? — угадала Кристина.

— Конечно. Она со мной всё это время, я подарила ему новую и забрала старую как сувенир. Он всегда посмеивался над моей коллекцией. Старые записки, билетки в кино, разбитая зажигалка, которой он когда-то прикуривал мне, ключи от уже замененных замков... Никак не решаюсь всё выкинуть, каждая вещь несет столько воспоминаний. Но не будем задерживаться на моих причудах...

Петя понял всё сразу же. Он давно уже смотрел на нас странно, потяжелевшим взглядом. Поначалу наша дружба его не волновала, но теперь воздух в комнате то и дело пропитывался электричеством от наших с Лешей шуток и намеков. Хотя при Пете мы не обнимались, некоторые быстрые прикосновения он замечал. Да и как можно скрыть та-

кие чувства? Всё во мне горело, искрилось, сжималось, этого было не спрятать.

Тем утром мы разговаривали о происходящем все втроем — это был первый такой разговор из многочисленных последовавших. Сначала пытались свести всё в шутку, но было поздно. Случайные реплики выдали и поцелуй, и объятия, и вечера, проведенные вместе.

Тут бы и закончить, но нет.

Долгие годы после я гадала, как всё могло бы сложиться, если тогда я решилась бы расстаться с Петей, как только почувствовала новую любовь. Не поймите превратно — Петю я тоже любила, конечно. Как можно не любить будущего мужа? Наши судьбы сплелись, как корни стоящих рядом деревьев, а ни одному дереву не под силу вырвать корни из-под земли и сбежать.

Если бы я смогла поступить честно, если бы нашла в себе смелость и вышла из этого треугольника, я могла бы, пожалуй, добиться или дождаться Лешки. Такие вещи ведь не всегда происходят вдруг, и мне самой понадобилось время, чтобы обнаружить притаившуюся за дружбой влюбленность. Но я не смогла уйти. Не смог и Петя. Никто ни до, ни после не обжигал меня такой ненавистью, как он в те пару лет, когда мы старались склеить разбитое. Я знала, что он никогда не сможет доверять мне вновь. Да и доверять мне было напрасно — стоило Лешке появиться в комнате, сердце мое билось как сумасшедшее. Хотя мы почти перестали прово-

дить время наедине, я всё же находила для себя успокоение в понятных только нам двоим фразах, в случайных прикосновениях, которые мы позволяли себе, передавая кружку или трубку, и в том, что я знала, сколько сахара класть в его чай.

Была и ещё одна возможность спасения, пожалуй. Если бы я была для Пети важнее всего, мы могли бы уехать далеко-далеко. Поселились бы в избушке, без телефона и почты. Читали бы книги, иногда слушали радио, рано ложились спать, гуляли целыми днями. Там, в глуши, я имела бы шанс забыть обо всем и обо всех. Возможно, мне было бы достаточно моих теплых, родственных, тихих чувств к человеку рядом...

Проще всех изменить ситуацию было самому Леше, если бы он решился быть со мной. Но он продолжал твердить, что я ему не нравлюсь... Да и что гадать, как всё могло сложиться, если случилось иначе.

– Вы говорили, что всё равно расстались с Петей, верно?

– Да, но до этого мы успели выгрызть друг из друга всё живое. Я решилась лишь после того, как на очередном вечере всё же не сдержалась и обняла Лешу, приникла к нему в последней надежде, спряталась на его груди, ненадолго, к сожалению. Это простить было уже невозможно, невероятно, не суждено. На следующее утро я собрала все вещи, которыми успела обрасти за годы, что гостила в квартире мальчиков, порыдала в объятьях Лешы, выпила крепкого горчащего чаю, которого он заварил мне, и ушла навсегда — точнее,

так мне казалось.

Петя ещё несколько дней поджидал меня у подъезда, умолял вернуться, обещал, что всё наладится, но я знала, что уже слишком поздно.

Потянулись месяцы одиночества. Дни были похожи один на другой. Куда бы я ни шла, я всегда покупала лишь один билет. На новой работе, куда я сбежала от Пети, принцев не нашлось, не сошлась я и ни с одним из хороших мальчиков из приличных семей, которых мои родители периодически звали к нам на чай.

Жизнь была разрушена, и с Лешей я видеться не могла, потому что это означало бы встречу с Петей. Дружить они не прекратили — хотя мне этого и не понять. Но я не была единственной злодейкой, наш «роман» был обоюдным, я не выдумала его!

Лилия закашлялась, постучала трубкой, вытряхивая оставшийся в ней табак. Крис налила ей воды.

— Благодарю. Не устали ещё? Нам осталось немного. Вода — это хорошо, но налей мне коньяка, Марк, дорогой.

Ребята переглянулись, парень достал бутылку и бокал из указанного шкафчика.

— Ещё ведь рано? — робко заметила Кристина.

— Рано или поздно, какая разница. Пока жива, надо веселиться, — отхлебнув, Лилия продолжила: — Помните ещё Германа? Которого я увидела первым в квартире, он и ока-

зался её владельцем. Этой самой квартиры, кстати, — глухо рассмеялась Лилия. — Когда я больше не могла справиться с воспоминаниями, я позвонила, и трубку взял он. Сказал, Леша и Петя переехали, Петя вроде собирается жениться, Леша вернулся к родственникам. Герман позвал меня в гости, вспомнить старые деньки, поговорить. Не то чтобы он когда-то мне нравился. Как не нравился и ребятам, честно говоря. Петя был интересен своей любовью к выбранной профессии и мог часами говорить о ней. Леша перебивался какими-то подработками, но обладал широкими знаниями во многих областях и всегда мог поддержать разговор. Германа в их тени было не разглядеть, да он и не старался выделиться. Напротив, кажется, он настолько обожал друзей, что хотел во всем походить на них. Покупал такую же одежду, слушал ту же музыку, ходил в те же кафе. Даже пытался начать курить, но у него обострилась притихшая астма.

Даже не знаю, до какой степени отчаяния я дошла, что согласилась увидеться. Чем-то внешне он напоминал Лешу, такой же худощавый, такой же смешливый, хоть его смех меня и раздражал. Да ещё и рубашка такая же, как та, в которую я любила утыкаться лбом... Он был не так и плох после всей череды подсунутых мамой ухажеров, москвич к тому же.

Что заставило его заинтересоваться мной, бывшей девушкой одного друга, изменившей с другим? Пожалуй, я была чем-то вроде подобранной за крутыми мальчиками вещи. Поиграли и бросили — а ему в хозяйстве пригодится. Да к

тому же мы были знакомы довольно долго, ни разу не ссорились, иногда даже убирались после посиделок вместе.

Наши отношения не были похожи ни на вспышку интереса к Пете, ни на огонь страсти к Леше. Кажется, мы просто договорились встречаться, и уже через пару месяцев я перевезла на этот раз все вещи, благо места в квартире освободилось более чем достаточно. Следом была в меру пышная свадьба, несколько десятков родственников с обеих сторон, огромное белое платье, похожее на воздушный торт, которое выбирала мама Германа. Ни Петя, ни Леша не пришли, да мы и не сильно надеялись.

— Подлейте ещё, молодежь. Присоединяйтесь, если хотите. Знаете, с годами я пришла к выводу, что счастье — это ни секунды своей гребаной жизни не тратить на то, чего не хочешь. Поэтому счастье — утопия, — Лилия снова расхохоталась, закинув голову, выпила залпом второй бокал и подвинула его тут же снова к Марку, постучав ногтем по стеклянной стенке. — Я провела с Германом двадцать пять лет. Двадцать пять.

Каждое утро он громко полоскал горло, потом сморкался, пел в душе военные песни, выходил из ванной в трусах и вязанных носках. Если день был хорошим, то мы могли сразу сесть завтракать. Если нет — приходилось идти в спальню, смотреть в потолок. Я даже не пыталась представлять в процессе Лешу — едва ли это утешило бы хоть меня сколь-

ко-нибудь, скорее опошлило бы те воспоминания, что были ещё живы. Потом газеты, радио, прогулка в ближайшем парке, всегда три круга, работа, ужин, снова душ, носки, спальня... Он надеялся, что я рожу ему сына или хотя бы дочь, но мой гинеколог хорошо знала свое дело, и я была избавлена от этого.

Только ночами я была счастлива, кажется. Мне снились чудесные, живые, яркие сны. В них не всегда появлялся Леша, но почти никогда не было Германа, по крайней мере, пока он был жив. В те годы это позволяло отдохнуть хоть немного.

— Почему вы не ушли от него? — спросил Марк, попробовав незаметно отодвинуть от Лилии бокал, но она лишь погрозила ему пальцем.

— И от Пети-то мне сложно было уйти, а потом, после всего этого одиночества и пустоты... По крайней мере, я жила в той самой квартире, сидела в *его* кресле, да и о деньгах можно было не заботиться. С работой не ладилось, я перестала стараться сразу, как увлеклась Лешей, а с его исчезновением из моей жизни и вовсе не осталось сил.

— Вы так и не стали снова дружить?

— Мы возобновили общение лишь спустя лет пятнадцать. В отличие от меня, Леше удалось найти свое призвание, он открыл автомастерскую. У него всегда хорошо получалось обращаться со всеми этими ключами и прочими мужскими

штуковинами, да и с людьми он легко ладил. Как-то осенью Леша зашел к нам в гости, закурил на кухне, будто и не уходил. Я смотрела на него и не могла найти ни слов, ни слез. Повзрослел, возмужал. Взгляд изменился, перестал быть трагичным и потерянным. Я сразу поняла, что он обрел себя. Правда, так и не женился. Мы стали время от времени переписываться, хоть Герман этого и не одобрял.

– Может, ещё не поздно? Может, мы сможем найти его, если вы потеряли связь? Бывает ведь, что люди и в таком возрасте... — Крис запнулась, снова покраснела.

– Увы, он умер, — покачала головой Лилия с легкой улыбкой. — Хоть и совсем недавно. Я ходила с ним прощаться, он долго болел.

– Рак?

– Конечно. Мало кому удастся столько курить без вреда для здоровья.

– Соболезнуем, — поймал Марк взгляд Лилии. — И Герман тоже, верно?

– Вот уж о чем я не буду жалеть, — усмехнулась она. — Моя история подошла к концу. Нести такую любовь через всю жизнь тяжело, никому бы такого не пожелала, но и не отказалась бы от нее ни за что на свете. Можете завтра не приходить, я передам вашим руководителям, что помощь больше не требуется.

– Вам будет помогать кто-то другой? — удивилась Крис.

– Можно и так сказать. Всё, кыш. Живите лучше текущим

моментом, сколько можно в прошлом копаться.

У подъезда ребята переглянулись.

– Всё равно придем завтра? — неуверенно предложила Крис.

– Конечно, всё равно я уже отменил тренировки на этой неделе, — кивнул Марк. — Встречаемся в то же время.

А Лилии снова послышался стук двери подвала и крики.

– Слава богу, что я смогла тебя оставить, — шепчет она.

«Нашла» она Германа в самом низу лестницы в подвал лишь через пару дней. Конечно, сразу же позвонила в скорую, объяснила милиционерам (или уже полицейским?), что муж собирался остаться на даче на выходные, а ей надо было покормить кошку, поэтому уехала пораньше. Оступился, несчастный, глаза уже не те, что в молодости. На похоронах прятала улыбку за платком, и все восхищались выдержкой вдовы.

Конечно, она не смогла бы его толкнуть. Разве что поставить подножку и запереть дверь. Как же хорошо, что родители отдали сыну такой большой участок, из подвала до соседей не докричаться...

Пора спать, завтра большой день.

13

«Если вы нашли меня раньше, чем я ожидала — не спешите звонить в скорую.

Прочитайте сначала это письмо, возможно, вы сможете понять и принять моё решение».

Когда Марк и Крис позвонили в дверь, никто не открыл.

– У нее ведь нет ещё одной кошки? — попытался пошутить Марк.

Крис дернула дверь.

– Открыто...

В квартире было тихо.

Они нашли Лилию на диване. Она выглядела так, будто прилегла отдохнуть, но грудь не двигалась.

– Она не дышит! Марк, звони в скорую!

– Смотри, — парень поднял с пола у дивана упаковку таблеток. — Пустая.

– Это же снотворное? Может, она случайно?

– Не думаю. Написано — не более двух штук в день.

– Но ведь мы не знаем, как давно она её открыла!

– Пульс почти не ощущается.

Марк достал телефон, его руки дрожали. Вот он, тот самый шанс на хороший поступок, который мама точно оценит.

Крис остановила парня:

– Письмо!

Её глаза покраснели, она смотрела на Лилию и видела девушку, так же лежащего на диване, будто просто уснувшего. Как можно потерять ещё и её?

«Прочитайте сначала это письмо, возможно, вы сможете понять и принять моё решение. Если это вы, Марк и Кристина, то точно поймете.

Последние полгода я ездила к Леше два раза в неделю. Чаще посещать не разрешали, я так и не стала для него родственницей, но была рада хотя бы играть её роль.

Мы разгадывали вместе кроссворды, ходили по парку у больницы, пока он ещё мог вставать. В последние визиты я открывала окно пошире и читала вслух его любимых Достоевского, Толстого, Булгакова. Он часто сожалел, что не успел прочесть всё, что хотел.

В нашу последнюю встречу он сжал мою руку и признался, что любил меня много лет. Не столько, как я его, но достаточно, чтобы грустить от предстоящего расставания.

– Жаль, что мы не можем начать всё заново, жаль, что уже не успеем прожить жизнь вместе, — прошептал он и закашлялся.

Я погладила его по спине и предложила тогда хотя бы закончить всё правильно.

Поначалу он был против, но скоро понял, что меня не переубедить.

Мне незачем жить в мире, где нет его. Я долго старалась

убить в себе эту любовь и устала с ней бороться. Я просто хочу быть с ним, тем способом, который нам ещё доступен.

Через три дня, тринадцатого июня, день нашей первой встречи. Все инструкции вы сможете получить у моего нотариуса, визитка в нижнем ящике комода. Если же не захотите помочь нам, он обещал исполнить мою последнюю волю сам, и всё моё имущество тогда отойдет ему.

Однажды я смогла закрыть дверь и оставить человека, которого ненавидела, умирать. Это был акт ненависти. Если вы сможете закрыть сейчас дверь и уйти, не вызывать скорую, пока не убедитесь, что я мертва — это будет акт милосердия.

Надеюсь, что вы не станете мне мешать, да простит вас за это бог, зная всё, что знаю я».

Марк и Крис переглянулись, помолчали пару минут.

Кристина вновь проверила запястье Лилии. Казалось, что пульса уже нет, но рисковать было бы преступно.

Марк убрал телефон обратно в карман.

Они открыли нижний ящик комода. Помимо визитки там нашлась старая обувная коробка.

В ней лежали старая зажигалка, неработающие мужские часы на широком серебристом браслете, стопка билетов в кино (верхние выглядели современными), перевязанные лентой письма, засушенные цветы, несколько пожелтевших фотографий. На одной из них была танцующая пара, оба лет пятидесяти, виски мужчины уже посеребрила седина, женщина придерживала развевающийся подол длинного крас-

ного платья и смеялась.

Ребята закрыли коробку, ящик, квартиру, дверь подъезда. На улице было совсем уже по-летнему тепло, ветер спутал волосы девушки и незаметно смахнул с её щеки слезинку.

Эпилог

В большой малахитовой урне был смешан пепел возлюбленных, которые смогли пронести свое чувство не только через всю жизнь, но и за порог смерти. На табличке сбоку были выгравированы слова: «Однажды я полюбила».

Марк и Кристина стояли на холме над озером. Здесь Лилия и Алексей гуляли ещё в молодости, сбегая от всего мира по ночам.

Марк открутил плотную крышку, и ветер подхватил пепел, помогая паре обрести свой последний общий дом.

Глаза Кристины покраснели, лопнувшие сосудики были похожи на пару деревьев. Эти деревья не цеплялись корнями друг за друга, а росли рядом, свободные и счастливые... Марк рассмеялся от глупых и неуместных в такой момент мыслей, Крис подняла брови. Он несмело приобнял её, и они пошли к метро.

Со скамейки на другом берегу озера поднялся мужчина лет шестидесяти, в отдалении его ждала жена. Он глубоко вздохнул и прошептал: «Я прощаю вас, будьте счастливы хоть там».

Лилечка проснулась от яркого лучика солнца — накануне опять забыла задвинуть занавески. Рядом сонно перевернулась на другой бок Леша. Девушка провела кончиками пальцев

по его плечу, парень сонно улыбнулся жене.

– Мне приснился странный сон, что мы так и не решились встречаться, — поделилась Лиля.

– Забавно, и мне снилось что-то похожее. Не думай об этом, я ведь здесь?

– И я тоже, — улыбнулась она. — Я счастлива, что мы вовремя нашли друг друга. Пойду поставлю вариться кофе...